

Андрей Шталь

Красный уровень угрозы



Андрей Шталь
Красный уровень угрозы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993730

ISBN 9785448330643

Аннотация

В книге «Красный уровень угрозы» представлены авторские стихи, посвящения и пародии, а также поэтические переводы с нескольких языков.

Содержание

Компрачикосы	5
Мальчик из вазы	7
«Если черти в душе гнездились»	9
Грехи не пускают в рай	11
Бабайка	13
Кошачий Бог	16
Исповедь дракона	18
Баллада о навигаторе	20
Лилит	24
Балаган	28
Кто я?	31
Куннилингус революции	33
Говорят	36
Ночь перед Рождеством	37
Мой Гамлет	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Красный уровень угрозы

Андрей Шталь

© Андрей Шталь, 2016

ISBN 978-5-4483-3064-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Компрачикосы

Компрачикосы – люди, похищавшие или покупавшие детей и уродовавшие их для продажи в качестве шутов, акробатов.

Соблюдая законы моды,
Дикой публике на потребу
Шоу-бизнес плодил уродов.
Дайте зрелищ! Не надо хлеба!

Наступает большой звездац вам,
Куй бабло, получай легко сан!
Вырывает детей из детства
Племя страшных компрачикосов.

Плоть горячая и нагая,
Будь покорна порыву злому!
Ты трещишь под ножом цыгана —
Так рождается новый клоун.

Выпускают его из плена,
И застыла толпа на вдохе.
Я приветствую гуимплена
В человеке своей эпохи.

Ты, ведущий со мною дебаты,
Ты, умеющий брызгать пеной,
Ты, беззубый, хромой, горбатый,
Что ты знаешь о гуимпленах?!

Посмотри, их теперь так много
В каждой трещине, в каждой щели,
Что убожество стало нормой,
Норма кажется извращением!

Я и сам наяву, во сне ли
Вижу плоть под рукой цыганской.
В этом мире я тоже нелюдь:
Либо жертва я, либо гангстер.

Племя страшных компрачикосов
Как и прежде живет бесстыже,
Продолжает считать бабосы,
Похищая других детишек.

Потому что судьба груба, как
Старый нож. И не надо фыркать!
Грустный шут и его собака
Каждый день на арене цирка.

Мальчик из вазы

В Китае существовало искусство «отливки живого человека». Маленького ребенка на несколько лет сажали в вазу. Со временем его тело принимало форму сосуда. Выращивание длилось несколько лет. Жертва оказывалась изуродованной непоправимо.

Не рассказывай, Азия,
Мне легенд о Творце!
Мальчик, выросший в вазе я,
Как цыпленок в яйце.

Мне в моем заточении
Был сосуд словно мать.
Ах, какое мучение —
Без движенья лежать!

Ах, какое страдание —
Повороты хребта!
Я иное создание —
Я – сама красота!

Извивается, корчится
Непокорный скелет.
Я пророк и пророчество,

Я искусство и свет!

Вам, не знавшим печали нот,
Не расскажет пиит,
Как ночами в отчаянно
Сердце вазы стучит.

А вокруг – безобразие
И пустая возня.
Не рассказывай, Азия,
Сказок нового дня!

Получив же свободу я
Прохожу по земле
Словно врач меж уродами...
Уведите калек!

Чтобы форму не сглазила
Злобных тварей орда
Возвратиться бы в вазу мне,
И застыть навсегда!

«Если черти в душе гнездились»

Хочешь душу мою пробури поперек,
Или даже обшарь ее всю от и до?
Неприменно найдется во мне уголок,
В нем лукавые бесы скрутили гнездо.

В эту глушь не тропинка ведет, а хай-вэй,
Раскатали анчутки свою колею.
Ах, ты, нечисть моя, вражье племя чертей!
Мы живем в самой страшной из всех Кали-юг!

Я вас, гадов, кормлю, приручая, с руки,
Отдаю вам тепло и врачую крыла!
Мне взамен ничего, кроме смертной тоски,
Бесконечного горя и черного зла!

Обо мне говорили: «Сам черт ему брат!»
«Он в своем ли, – порой возмущались – уме?
Для чертей своего не жалеет добра!»
Но и ангелов я приручал, как умел!

По житейскому морю несется ладья,
И пока не распутан сомнений клубок,
В вечном споре я снова – третейский судья,

А рукой моей водят, то Дьявол, то Бог.

Грехи не пускают в рай

Под ногами песок да гравий,
Вечереет. Взошла луна.
За причалом – ворота рая,
И до самых небес стена.

У заставы последней рядом,
Скоро будут ночлег и кров,
Только, что это за отряды
Мирно греются у костров?

Восседает братва по кругу
Как охотники у огня.
Понял я, что они друг друга
Знают так же, как и меня.

Говорят мне: «Присядь да выпей,
И пока ты в своем уме,
Поглазей на военный вымпел
С голой бабою в бахроме.

Закури, расчехли гитару,
Пусть ударит душа в набат!
Если хочешь, подгоним шмару,

Падкий, помнится, ты на баб.

Мы не в храме, и не в мечети,
Не молитвы читай – стихи!
Зря ты думаешь, что мы черти,
Мы твои, как один, грехи».

Мне хотелось поверить в чудо,
Мысль при этом была проста,
Что грехи мне отпустит Будда,
Если вдруг не дождусь Христа.

Я спросил: «Что мне делать с Вами?
Здесь, у рая, привал нелеп!»
Мне ответили «Кашу сварим,
А потом разломаем хлеб».

Я запел, что настала жопа,
Тек по струнам холодный пот.
Я смотрел на ворота в оба,
Где ты бродишь, апостол Петр?

Никогда мне не видеть рая!
Отпустите меня домой!
Ах, ты ж, мама моя родная,
И японский городской!

Бабайка

То ли сказка, то ли байка,
Я ходил под стол пешком,
А навстречу шла Бабайка
Колченогая с мешком.

У нее с собой не злато,
Не запасы серебра,
Есть мешок, а под заплатой
Дремлет черная дыра.

Там тяжелое наследство,
Там забытые мечты,
Там утраченное детство,
И сожженные мосты.

Бесконечные тревоги
За плечами у карги,
Смерть, болезни, некрологи,
Займы, векселя, долги.

Так при каждой встрече новой
Я, пока хватало сил,
Весь запас мешка большого

В жизнь свою перетащил.

А затем в своей Вселенной,
Успокаивая страх,
Молча шел дорогой бральной
Мимо виселиц и плах.

Колченогая Бабайка
Обернулась палачом.
Жизнь закручивала гайки
Была иногда ключом.

Помню ржавый вкус металла
Вместо сдобных пирожков.
Мне от детства не осталось,
Ни считалок, ни стишков.

Даже если б я похерил
Долгий путь с чужим мешком,
Принял бы иную веру
Наплодил других божков,

Словно старая газета
Возвратилось бы опять
То, чего как будто нету,
Но чего не избежать.

Сколько лет живу во мраке,
Мир бездушный не согреть.
Кто-то Таню ставит раком,
Где-то в речке тонет Грек.

Кошачий Бог

Там, где у речки трава растет,
Где камыши шуршат,
Дикий по берегу бродит кот,
Словно моя душа.

Кто-то его прогоняет – «Брысь»,
Кто-то – «Кысь-кысь» – зовет,
Кто-то представил, что это рысь,
Кто-то – Чеширский кот.

Каждый по-своему в чем-то прав,
Видимо, и потом
Древний мой предок, мой «пра-пра-пра»,
Верится, был котом.

Вечность бродил по дорогам тем,
Где и сейчас идет
Род мой кошачий, а мой тотем —
Старый облезлый кот.

Душу ошейник не трет от блох,
Небо как молоко.
Я утверждаю, что мир не плох,

Если идешь легко,

Если с прищуром с небес на нас

Сквозь рубежи эпох

Незамутненный взирает глаз —

Вечный Кошачий Бог.

Исповедь дракона

*Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Николай Гумилев
И приходят ко мне драконы,
Чтобы я им читал стихи.
Виктор Шендрик*

Я чудовище, я химера,
Всяким аспидам не чета.
Я знаком был с самим Гомером,
Помню, эпос он мне читал.

Так ведется веков спокону,
Появляется вдруг поэт
Со стихами бежит к дракону,
Мне же слушать евойный бред.

Я редчайший ценитель слова,
Я почти что аристократ!
Но со времени Гумилева
Мозг выносят мне все подряд.

Расплодилась по белу свету
Рифмачей-стихотворцев рать.

Каждый видит себя поэтом.
Тяжело их всех оптом жрать.

Я слюну ненароком вытер,
Аппетит мой ужасно вял.
Был последним поэтом – Витя,
Что сегодня в зубах застрял.

Баллада о навигаторе

*В России робот сбежал с полигона.
Беглец заглох посреди трсы и спровоцировал
пробку».
Из сообщений в СМИ*

Была мечта, похожая на сказку,
Работа шла за сборочным столом.
Болты и гайки, канифоль и смазка,
Бумага, пластик и металлолом.

На человека был он не похожим,
В какой-то там зачуханной Перми,
Без мышц, без мяса, без костей, без кожи,
Система, оживленная людьми.

С учетом интеграла микросхемы
На карте ищут самый ближний путь,
Решают всевозможные проблемы,
Пытаясь даже время обмануть.

Он не умел проходим строить глазки,
Скелет его, отдельные куски
С рождения не знали женской ласки,

С ним всюду были только мужики,

Которые, закончив делать дело,
Обмыть решили робота, а тот
Стоит на полигоне – белый-белый,
И алгоритма новых действий ждет.

Ему охота странствовать по свету,
Идти за дальней призрачной звездой.
Однако ж никакой команды нету,
Есть полигон, вечерний и пустой.

Холодный ветер продувает спину,
Так хочется душевного тепла!
Он знал, за полигоном есть машины,
Там есть «Тойота» – черная смола.

Изысканная, сделанная тонко,
Так наши не умеют, черт возьми,
Прекрасная, волшебная японка,
Он верил, где-то едет по Перми.

Блестящая, большая, скоростная,
На вид не дашь и больше пяти лет.
Ее при встрече точно он узнает
По тифельке на лобовом стекле.

В нем не было сомнений ни на йоту,
Загадочнее, чем лесной тапир,
Он вышел в город, чтоб найти «Тойоту»
Так перед ним открылся новый мир.

Вокруг него шумели магазины,
Кафе и банки, здание суда,
Туда-сюда различные машины
Шли по Перми, как по реке суда.

Там были «Жигули» и «Мерседесы»,
«Фиаты», «Мазды», «Опель» и «Камаз».
Был «Запорожец» – детище прогресса,
«Хюндаи» свой показывали класс.

Внутри сама собой включилась «прога»
Он за районом объезжал район.
Он видел вечер, видел очень много,
Он видел все, но не было ее.

Уже роняло солнце позолоту
На крыши зданий и на купола,
Когда к нему подъехала «Тойота»,
И тувелькой моргнула со стекла.

Казалось бы, безделица, наклейка,
Но перед ним возникло божество.
Заряд пошел... и села батарейка,
Дымились микросхемы у него.

Смутившийся, застенчивый и робкий,
Контакта нет, и не осталось сил.
Ему во всю уже сигналист пробка:
«Вот это белый робот затусил!

Давай! Давай! Езжай отсюда, робот!
Да что ж ты стал, железный организм!»
А он ни с первой, ни с десятой пробы
Не может завести свой механизм.

Его «Тойота» черною волчицей
Умчится приключения искать.
С ним ничего потом не приключится,
Его на полигон вернут опять.

Не жди любви, тем более до гроба,
Твоим программам есть иной финал,
Ты навигатор, ты обычный робот,
Болты и гайки, пластик и металл.

Лилит

Напиток в стакан налит
И выпить нашелся повод —
Адам не забыл Лилит,
Но Еве о ней – ни слова.

Не прожил Адам и дня,
Чтоб не услышать от Евы:
«Ты с женщиной до меня
Ходил ли к познания древу?

Вдвоем вы гуляли где?
Признайся, она же – демон!
Что значил для вас Эдем?
Кто знает о вас в Эдеме?

Что общее вас роднит?
А был ли у вас сыночек?
Как звали ее? Лилит?
А может, царица ночи?»

Что ей возразить в ответ?
Все бабы, похоже, стервы!
Обратной дороги нет,

Не стоит играть на нервах!

Обратной дороге нет!

Былое не повторится.

Но страстную дьяволицу

Он видел опять во сне.

Разящие сердце глазки,

И запах ее волос,

И рук неземные ласки

Познать ему довелось.

И вот он мертвецки спит,

Довольный, хмельной от счастья.

Жена же его Лилит

С другим предается страсти.

В округе она со всеми.

Не тело – сплошной огонь!

Вот демон роняет семя,

Вот демон пришел другой

Блаженствует дьяволица.

В Эдеме – культурный шок.

И райские носят птицы

Противный такой слушок.

Адам стер до плечи темя,
Когда обо всем узнал.
Но сколько того Эдема?
Он, в общем-то, даже мал.

Влюбленным и мира мало...
И вдруг через много лет,
Лилит насовсем пропала,
Ее затерялся след.

Адам уходил в запой,
Когда наступил день гнева,
Но стала ему женой,
Ребром в утешенье – Ева.

Он Еве сказал в раю:
«Одену тебя в шелка я!»
Но все же, ее лаская
Он помнил Лилит свою.

А Ева одно твердит,
Опять дежавю, качели:
«Как звали ее? Лилит?
Кто лучше из нас в постели?»

Молчит, как всегда, Адам,
Спокойно упреки сносит.
Он Еву целует в носик
И цедит себе агдам.

•

Балаган

В кабаке, в дешевом балагане,
Там, где пошло на разлив течет,
За столом сидели черт с рогами
И его дружок, безрогий черт.

Выпили по рюмке суррогата,
Закусили крошкой со стола,
И тогда заговорил рогатый,
Дескать, жизнь чертовски тяжела.

– Пашешь как ишак с утра до ночи,
Вечно в мыле, мечешься, спешишь,
Но понять никто тебя не хочет,
И зарплата – жалкие гроши..

Набивают ироды карманы,
Строятся коттеджи у иуд,
А тебе – глоток небесной манны,
Да и тот, похоже, отберут.

Четверо детей твоих чумазах.
Садик, школа, вуз – за все плати.
Если где-то небо есть в алмазах,

Нам туда заказаны пути.

Адовы круги, круги чистилищ
Уготовил мир тебе и мне.
Наши ж деды чертежи чертили
И мечтали о большой стране,

Чтоб цвела могучая держава,
Победив врагов своих в борьбе,
Чтобы пели ангелы во славу
Всех ее свершений и побед!

Как они о будущем радели
Для себя, для нас, для всей земли!
Как боролись вместе за идею,
Как знамена алые несли!

Строили большие магистрали
Лозунг: «Пятилетку – за три дня!»
А потом мгновенно все просрали,
И тебя просрали, и меня.

От того болит сердечный клапан.
Как все это допустили мы?

Выпили еще. Рогатый плакал,

А безрогий затынул псалмы.

Медленно, вытравливая душу

Из себя, из друга своего.

Балаган затих и молча слушал.

На дворе стояло Рождество.

Кто я?

Я – мальчик.

Я сплю, свернувшись в гробу калачиком.

Мне снится футбол.

В моей голове – Калашников.

Евгения Бильченко

Я вечный студент, у меня по утрам поллюция.

Я жду перемен, я мечтаю о революции.

Я выдавил прыщ, завтра драться иду с ментами я.

Знакомый нацист обещал мне помочь с восстанием.

Идейный нацист я, Скорцени реинкорнация.

Мой код и пароль – восемь, восемь и «Слава нации!»,

Я режу «русню», мне с Чеченской – война – подружкой.

Я взял в оборот, что казалось другим игрушкой.

Я главный редактор. Я в детстве играл в солдатиков.

Мне нравились игры. Играю с людьми всегда теперь.

Пожаловал Гебельс во сне мне перо из платины.

Я правду люблю, но, увы, за нее не платят нам.

Я менеджер фонда. Задача – работать с грантами.

Здесь именно я назначаю, что будет правдою,

Я знаю, о чем журналистам писать в изданиях.

Кому, как не мне, грантоедам давать задания?

Я старый политик. Иду во главе восстания.
Я был коммунистом, но это меня заставили.
Из партии вышел, в иные идеи верю я.
Идет вслед за мною вся бизнес моя империя.

Обычный трудяга, стою и точу патроны я.
Кто есть надо мною, меня сей вопрос не трогает.
Работа важней, и зарплату мне платят, вроде бы.
Пусть будет война! Пусть почаще воюет родина!

Я смерть, я война. Я умею ходить по лезвию.
Я крайне страшна. Я ужаснее, чем поэзия!
Я многих сожру, всем по полной еще достанется!
Пути революций, сущность их и достоинство.

Я Дьявол лукавый, Я спящего Бога сумерки.
Я очень люблю вас, поскольку в душе вы умерли.
Гордитесь собой, упиваясь в дугу победами!
А Бог не проснется, вы все его, суки, предали.

Куннилингус революции

*Апельсиновая бандана...
Коржик солнца на синем блюде...
Я лежу посреди Майдана,
А вокруг меня – ходят люди.
Евгения Бильченко «Эпитафия революции»*

Киев, зимние холода, нам
Никуда не уйти с площадки.
Я облизываю Майданы,
Я люблю дерьмецо брусчатки.

Пахнет плесень с руки Богдана,
Тянет копотью революций,
Это все не совсем еда, но,
Захотелось вдруг облизнуться.

Протекает слюна сквозь зубы,
Уподобившись Иордану.
Это чисто мое сугубо,
Я вылизываю Майданы!

Я поэт не совсем бездарный,
Язычок мой – острее пули.
Я лизнула среду Майдана,

Где-то там заорали: «Хули

Нам расхлебывать эту кашу?»

И слышался звук гортанный.

Выстрел снайпера? Зимний кашель?

Я все так же лижу Майданы.

Может, все-таки в наказание

Эта страшная ерунда мне?

Я могла бы лизать лазанью,

А вылизываю Майданы.

Как некормленный алчный даун,

В апельсиновое корыто,

Мордой тычусь в дерьмо Майдана.

Тем на свете и знаменита.

Греет голову мне бандана,

На Майдане – большое вече.

Если все же придет манда нам,

Языком, как умею, встречу.

Я попранная всеми добродетель,

Я русская рыбешка в «Охмадете»,

Я тело убиенного ребенка,
Я мина и горящая воронка,
Я сердце медсестры, что звали Юлей,
Я старое название новых улиц,
Я мародером занятая хата,
Я вечно кровоточащая вата,
Я пуля, я зудящая заноза,
Я те, кого забрали по доносу,
Я ИВС, наручники и нары,
Я новости, несущие кошмары,
Я правда, не звучащая с экрана,
Я порохом пропитанная рана,
Я боль страны, я все ее невроты,
Последний красный уровень угрозы.

Говорят

Говорят, серьезные шли бои,
Говорят, за городом – беспредел,
Говорят, стреляли в своих свои,
Говорят, что будет опять обстрел.

Но она не слушает глупый бред,
И она не верит всему подряд.
В дом вернулся газ, и вернулся свет,
За углом есть школа и детский сад.

Вот и чайник утречком засвистел,
Закипела, стало быть, в нем вода,
И уже пора разбудить детей,
Чтоб потом доставить кого куда.

У нее два маленьких пацана,
А девчонке старшенькой – десять лет.
Все прекрасно, если бы не война,
Та, которой, вроде бы, как и нет.

Ночь перед Рождеством

Ей дьяк говорил однажды в разгар зимы,
Придвинув скамейку к печке и сняв пальто:
«Укрыли наш край надолго войны дымы
Не время смотреть на небо! Убьют, АТО.

Есть зоны разграничений и статус-кво,
Позиции тех и этих у блок-постов».
Она вспоминала молодость: в Рождество
Она не летала в небе уже лет сто.

А если бы кто-то все же посмел летать?
Ей взять бы метлу да вылететь из трубы!
Но дьяк продолжал: «Стреляли то неспроста,
Похоже, сегодня был беспилотник сбит».

Мой Гамлет

На небе месяц показал рога мне,
Лежит невозмутимо на спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.